

Глава 1

На похороны Анечки Симоновой собрался весь город. Трудно найти в Камышово человека, который не был бы знаком с этой улыбочивой и доброжелательной девушкой. И у какого-то подонка поднялась рука на нее...

Но какой бы чудесной ни была Аня, разговоры в толпе провожающих ее в последний путь все-таки чаще касались ее несчастной матери, Клавдии Савельевны. Вот ведь как порой жестока бывает судьба! Сначала погиб старший сын, Юрка, до тридцати не дожил, работал взрывником на шахте. Потом скоропостижно скончался от сердечного приступа муж Клавдии. А теперь вот убили двадцатитрехлетнюю Анютку. И все за какой-то год с небольшим. Какое ж сердце столько горя выдержит? Двоих детей вырастила и воспитала, и обоих злая сила отняла. Совсем одна Клавдия осталась. Ни мужа, ни деток, ни внуков.

Аню, как и положено по православному обычаю, отпевали в церкви. Народу в храм

набилось битком, и на человека в дешевом темном костюме внимания не обращали. Мало ли кто приехал проститься с девушкой, она после школы в Юрге училась, в техникуме, там, наверное, много друзей-приятелей осталось, а после техникума жила и работала в Мариинске, так что присутствие незнакомых людей на похоронах никого не удивляло. Конечно, в последний год, после того как умер отец, Аня вернулась и жила в Камышове с матерью, но люди-то, вспоминая о ней с добрыми чувствами, и в Юрге есть, и в Мариинске, а может, и еще где. Славная была девушка, приветливая, отзывчивая, таких долго не забывают.

Человек в темном костюме стоял, как и все, опустив голову, но исподлобья внимательно наблюдал за присутствующими. В бога он верил, но в церкви ему всегда бывало неуютно и отчего-то хотелось скорей выйти на улицу. Он не знал ни одной молитвы, даже «Отче наш» мог произнести только до середины, и лишь недавно научился осенять себя крестом, но так и не усвоил толком, в какие моменты это полагается делать, поэтому подносил сведенные в щепоть три пальца ко лбу, груди и плечам только тогда, когда видел, что это делают окружающие. В последнее время он даже всерьез подумывал о том, что надо бы окреститься, а заодно и имя другое принять.

Конечно, никто не позволит ему сменить свое татарское имя на какое-нибудь православное за просто так, за здорово живешь только потому, что он примет крещение, но Иреку казалось, что имя приносит ему неудачу, а если будет другое какое-нибудь, пусть и неофициально, то и жизнь может перемениться к лучшему. Ладно бы он был из татарской семьи — тогда носить такое имя было бы нормальным. Но ведь мать и отец, и бабки с дедами у него самые что ни есть русские, а вот, поди ж ты, взбрендило родителям дать ему такое имя! Ирек... Так, видите ли, отцовского друга звали, кореша задушевного, с которым они вместе срок мотали еще по малолетке. Вот в честь друга батя сына и назвал, не посмотрел, что имя нерусское. Ну куда это годится? Ирек Мухамедов, который в Большом театре танцевал, — это да, это имя, и вопросов никаких. А Ирек Сергеевич Шанькин? Курам на смех! Вот через это имя все его беды и приходят.

Служба подходила к концу, сейчас все выйдут, потом вынесут гроб с телом и понесут к могиле, где похоронены отец и брат убитой, точнее, то, что осталось от брата после взрыва на шахте. Кладбище расположено здесь же, позади церкви. Еще полчаса максимум — и все будет закончено, а Ирек так и не сделал то, ради чего приехал сюда. То ли это

его вина — он недостаточно внимательно смотрит вокруг, то ли тот, кого он ищет, и в самом деле не приехал на похороны. Но факт есть факт: задание он не выполнил. Он вообще невезучий. Наверное, и вправду ему надо имя сменить, тогда и удача придет.

Тот, кого он ищет, должен быть один. И держаться подальше от гроба и от убитых горем родственников. Как он выглядит — неизвестно, сказали только, что на вид ему должно быть лет тридцать или около того, рост приблизительно метр семьдесят три — семьдесят пять, это единственное, что нельзя изменить, ну разве только при помощи толстой подошвы и каблуков, но и то ненамного. Вот и все приметы внешности. Ирека заранее предупредили, что искать надо, ориентируясь на особенности поведения. Но, как ни вглядывался Ирек в повадки присутствующих, как ни наблюдал за ними, нужного человека не находил.

Он так разозлился на собственную невезучесть, что вдруг особенно остро начал ощущать дешевизну надетого сегодня утром костюма. Давно уже он такое барахло не носит, предпочитает черные джинсы от Кельвина Кляйна, трикотажные майки от Версаче и свободные мягкие куртки из коричневой или темно-синей лайки, такие тонюсенькие, что больше похожи на рубашки. Они удобные,

движения не стесняют, и неброские, и практичные — не мнутся, не пачкаются. Дорогие, конечно, слов нет, но они того стоят, и вообще он давно уже ничего дешевого не носил. Сначала отец баловал, а теперь Ирек и сам неплохо зарабатывает. Но в привычном фирменном прикиде являться на похороны в Камышов нельзя: слишком резко он станет выделяться в толпе небогатых горожан. Вот и пришлось купить какую-то дребедень в первом попавшемся универмаге в Кемерове. А еще предстоит обратная дорога по колдобинам из Камышова в Кемерово, и не на своей любимой тачке, а на чьих-то ржавых «Жигулях», потому как светиться в этом заштатном городишке на приличной иномарке тоже опасно — могут внимание обратить, а это Иреку совсем ни к чему.

Гроб поднесли к открытой могиле, мать убитой девушки стала истошно кричать... А тот тип так и не появился. Или все-таки появился, а Ирек его не видит? Может быть, он стоит совсем рядом, дышит ему в затылок, касается его локтем, а Иреку и невдомек, что это именно он, тот, кого он ищет. Нет, невезучий он, определенно невезучий. Пойти, что ли, потолкаться перед домом, где жила покойница? На похороны не явился, так, может, хоть на поминки заглянет, рюмку за упокой невинно загубленной души подни-

мет? Насчет поминок, правда, распоряжений не было, рассуждали так, что на похороны должен приехать, а в дом идти не рискнет. Ирек поразмышлял еще немного и решил инициативы не проявлять, а то как бы хуже не вышло. Здесь все-таки толпа, а там каждый будет на виду, начнут еще, чего доброго, с расспросами приставать, кто он да откуда покойницу знает. Никакой толковой легенды у Ирека припасено не было, об убитой Ане Симоновой он почти ничего не знал и, учитывая всегдашнюю невезучесть, наверняка попадет впросак, если придется вступать в разговоры.

Толпа двинулась с кладбища в сторону дома Симоновых. Ирек некоторое время шел вместе со всеми, потом, улучив удобный момент, юркнул в переулок и окольными путями добрался до места, где оставил машину. Тьфу, от одного ее вида Ирека сразу затошнило. Ржавая, раздолбанная... Ну да ладно, начальству виднее, на чем ему ездить. Его дело маленькое, сказали — выполнил, а что, зачем и почему — вникать не обязательно. Меньше знаешь — лучше спишь, этому его еще батя учил, а батя попусту говорить не станет, у него семь ходок за спиной, из сорока восьми лет жизни он в общей сложности двадцать один год на зоне провел. Опытный.

Сто с лишним километров до Кемерова

Ирек проехал за два с половиной часа — старенький «жигуленок» на большее оказался не способен. Оказавшись на знакомых улицах родного города, первым делом порулил к батю. Доложиться надо, да и тачку свою взять, он ее еще утром там оставил, когда в эту консервную банку пересаживался.

Батя, рано постаревший лицом и шевелюрой, но сильный и жилистый, как молодой лось, жил один, как и положено порядочному вору. Мать давно, как только батю во второй раз посадили, ушла от него и сына забрала, но Ирек всегда тянулся к отцу, и в редкие месяцы, когда тот бывал на свободе, Шанькин-старший, имевший в своем кругу кличку Шаня, сына вниманием не обделял. Конечно, так повелось не сразу: пока Ирек был маленьким, Шаня к мальчику ни малейшего интереса вроде бы не проявлял, а вот лет с десяти все переменялось.

— Смена растет, — горделиво говорил рецидивист, похлопывая сына по спине, когда видел, каким восторгом и волнением загораются глаза мальчугана, слушающего рассказы отца о зоне и царящих в ней порядках.

— Ты меня слушай, ума набирайся, пригодится.

Пока, слава богу, не пригодилось. Но ведь все до поры до времени... Ирек с наслаждением захлопнул дверцу чужой машины, сунул

ключи в карман и не удержался, подошел к своему темно-синему «Опелю», стоящему рядом. Погладил капот, прикоснулся пальцами к боковому зеркалу. Картинка, а не тачка! Век бы любовался. Сесть в нее сейчас и уехать куда подальше, не заходя к бате... Нет, нельзя. Ирек даже плечами передернул, представив, какой поток матерной брани обрушится на него через несколько минут, когда батя услышит, что он не выполнил поручение. Но если нарушить приказ и уехать, не доложившись лично, то потом будет еще хуже. Батя где хошь сыщет и ноги поотрывает, а следом и голову.

Прогноз Ирека оправдался лишь частично: Шаня действительно матерился, но сына особо не бранил, ругань свою направил на того, кого сыну так и не удалось найти.

— Не приехал, стало быть, — задумчиво повторил он несколько раз, выпустив пар при помощи потока хорошо известных слов, ранее считавшихся непарламентскими, но ныне, как говорят очевидцы, вполне принятыми в среде вершителей судеб. — А ты хорошо смотрел?

— Бать, да я глаза все проглядел, — горячо убеждал его Ирек. — Ты ж знаешь, для меня твое слово — закон.

— Ну смотри мне, — с неопределенной угрозой протянул Шаня. — Пока я тебе верю.

Но если учую, что финтишь, не посмотрю, что родная кровь. Сам понимаешь, у нас закон твердый. Я за тебя поручился, братву заверил, что тебе можно доверять. Подведешь — жизни лишу, так и знай.

Ирек и без того знал. Батя шутить не любит, это точно. Сам он, понятное дело, «мокрухой» мараться не станет, не воровское это дело, но среди братков исполнители всегда найдутся. И сына своего родного Шаня любит ровно до тех пор, пока Ирек исправно выполняет поручения тех, кто стоит над батей.

* * *

Наталья Воронова была человеком более чем терпимым, ее не раздражали чужие вкусы и мнения, даже если она их не разделяла. Но с недавнего времени в ее жизни появилось слово, от которого у нее в буквальном смысле начинались судороги. Это слово «беспрецедентно». На протяжении последнего месяца Наталья слышала его не меньше тысячи раз, то есть раз по тридцать в день.

— Да как же можно снимать кино по книге, которую никто, кроме вас самой, не читал? Это беспрецедентно! А вдруг чутье вас подводит и это не будет бестселлером? Новый автор, никому не известный. Надо подождать, пока роман издадут, посмотреть, как

отреагирует читатель, понравится ли книга публике...

— Это беспрецедентно — снимать картину, не имея финансирования от телеканала!

— Это беспрецедентно — не иметь договора с телевидением...

— Это беспрецедентно — снимать, не имея законченных сценариев...

— Это беспрецедентно...

Наталья и сама прекрасно понимала, что то, что она делает, ни в какие, мягко говоря, ворота не лезет. В апреле прочла рукопись, которую ей принес знакомый журналист, до этого не написавший в «художественном» жанре ни строчки, загорелась, пошла с рукописью к руководству телеканала, для которого уже сняла два длинных телесериала, но понимания, естественно, не встретила. То есть понимание-то как таковое, конечно, было, Вороновой поверили, что материал — прекрасная основа для еще одного сериала, и готовы были рассматривать ее предложение в свете бюджета на будущий год. Но Наталья не хотела ждать целый год. Она хотела снимать немедленно, сейчас, с завтрашнего дня. А лучше — прямо сегодня.

Все смотрели на нее как на умалишенную. И это знаменитая Воронова, всегда такая сдержанная и терпеливая? Воронова, которая сто раз подумает и прикинет, прежде чем за

что-то братья и принимать какие бы то ни было решения? Да не подменили ли ее?

Весь мир вокруг Натальи разделился на два лагеря. В одном оказался весь теле- и киномир. В другом — она и ее близкие: муж и воспитанница. Муж Натальи, Андрей Ганелин, давно и успешно занимался бизнесом и даже профинансировал двенадцать лет назад съемки ее первого полнометражного фильма. С насмешливой улыбкой выслушав охи и причитания супруги по поводу медлительных и неразворотливых чиновников, от которых зависит принятие решения, он мягко сказал:

— Наташенька, я дам деньги, начни снимать, а там видно будет.

— Но это очень большие деньги, — испуганно предупредила Наталья, — ты даже не представляешь, какие большие.

— Жить с женой-режиссером и не представлять, о каких деньгах идет речь? — усмехнулся Андрей. — Было бы смешно. Ты меня обижаешь. Скажи своему приятелю Южакову, что если телеканал в принципе согласен делать этот проект, то пусть пока утрясают все вопросы с финансированием, а ты тем временем будешь снимать на мои деньги. Сколько смогут выделить — столько и выделять, а когда картина будет готова, все доходы от проката и продаж поделим пропорционально вложенным средствам.

— Андрюша, ты понимаешь, на что подписываешься? — осторожно спросила Наталья. — Они будут думать и решать до тех пор, пока не закончится съемочный период. Им останется только оплатить монтаж, озвучание и еще кое-что, но это сущие мелочи по сравнению со съемками. Я ведь не собираюсь снимать три года, если начинать — то немедленно, мне нужны летние месяцы, там очень много природы, и вся — процентов на восемьдесят — летняя. А ждать до следующего лета я не хочу. За лето я сниму почти всю природу, осенью — павильон и, соответственно, осень, в декабре — зиму. К Новому году закончу. И все это придется делать за твой счет.

— А весну? Весны в твоей картине совсем не будет? — поинтересовался Ганелин.

— Весну можно снимать в ноябре, деревья голые, земля сырая.

— Ага, и хороший оператор, — подхватил он. — Ну что, Наташа, решаешься? В тебе всегда дремала авантюрная жилка, дай ей наконец проявить себя, а то ты ее всю жизнь задавливаешь и в темный угол загоняешь. Скучно живешь. Тебе сорок шесть лет, пора уже попробовать совершить рискованный поступок. Ну хотя бы ради интереса.

Наталья колебалась, но тут вступила в игру ее воспитанница, она же актриса Ирина Савенич.

— Натулечка, да о чем тут думать-то?! — кричала Ирина, размахивая руками. — Конечно, надо снимать. Тебе что, нравится без работы сидеть?

Сидеть без работы Вороновой не нравилось. Но влезать в авантюры ей нравилось еще меньше. Тем более в такие беспрецедентные...

И все-таки она решилась. Вместе с автором романа Русланом Нильским написала поэпизодный план сценария, заключила договор с компанией-производителем и в конце мая начала снимать, как говорится, «с колес». Готового и утвержденного сценария не было, но Наталья положилась на собственный опыт (все-таки она закончила сценарное отделение ВГИКа и много лет работала сценаристом до того, как получила второе образование и стала режиссером) и на талант молодого писателя. Каждый день в свободное от съемок время они с Русланом писали диалоги для ближайших съемочных дней, а многое придумывали и меняли прямо на площадке.

Руслан приехал из Кемерова, никакого жилья в Москве у него не было, и Наталья, недолго думая, поселила его в пустующую квартиру своего младшего сына, поскольку Алешка все равно жил с ней, никак не желая приучаться к самостоятельному существованию. В отличие от старшего брата Саши, ко-

торый с радостью выпорхнул из-под материнского крыла, недавно женился и жил отдельно, девятнадцатилетний Алеша по-прежнему жался к матери и ее второму мужу Ганелину.

С Русланом, правда, тоже возникли трудности, в Кемерове у него остались жена и две дочки-близняшки, и пришлось потратить немало сил на то, чтобы убедить его в необходимости провести несколько месяцев в Москве. Главную роль в уговорах играла Ирина, и бог знает как, но ей удалось добиться его согласия. Во вторник, двадцать второго мая, торжественно разбили тарелку, что символизировало начало съемочного периода, разобрали на память осколки и, благословясь, приступили.

* * *

Яна, конечно же, примчалась в Москву с горящими глазами, оставив двухгодовалых дочек со своими родителями.

— Как здорово, Русик! — не уставала она повторять, снова и снова обходя все уголки небольшой однокомнатной квартирки, где им предстояло жить до конца съемок. — Мы с тобой целых полгода проживем в Москве! По твоему роману снимается кино! Поверить не могу. Неужели это происходит с нами?

Руслан подозревал, что причиной появле-

ния Яны было не стремление пожить в столице и, пожалуй, не столько любовь к мужу, сколько ревность. Так и оказалось. И объектом этой ревности была Ирина Савенич. Первые несколько дней Яна еще как-то держала себя в руках, но потом уже не могла скрывать неприязнь к красивой актрисе. Дружеские отношения между Ириной и Русланом приводили молодую женщину в откровенное бешенство, и никакие разговоры об их давнем знакомстве на Яну не действовали.

— Чего она к тебе липнет? — недовольно спрашивала Яна каждый вечер, когда они возвращались домой. — Как будто ты медом намазан.

— Она не липнет, — терпеливо объяснял Руслан. — Она общается со мной ровно столько же, сколько со всеми остальными на площадке. Можешь по часам засесть.

Но засесть по часам Яна Нильская не хотела. Она хотела только одного: чтобы вызывающе красивая, броская брюнетка с яркими темными глазами и густыми смоляными кудрями не приближалась к ее мужу и не разговаривала с ним. А они ведь не просто разговаривают, они улыбаются друг другу, вместе отходят в сторонку покурить, сидят рядышком, голова к голове, склонившись над сценарием. И эта старая сводня Воронова им потакает, чуть что — сразу зовет к себе их обоих

и о чем-то шепчется. Самыми страшными были для Яны те часы, которые Руслан проводил у Вороновой, работая над сценарием. Яну туда не приглашали, и она сидела в крошечной квартирке на окраине Москвы и лелеяла возникавшие в воспаленном сознании страшные картины происходящего. А вдруг они там не над сценарием работают? Вдруг туда явилась Ирина, а Воронова ушла и оставила их наедине? Чем они занимаются вдвоем, ее муж и эта актрисулька? Или Руслан вообще не у Вороновой, а у Ирины дома?

Телефона в квартире не было, и Яна каждые полчаса бегала к ближайшему автомату и звонила Вороновой. Наталья Александровна всегда оказывалась дома и сама брала трубку, потом подзывала Руслана, который с трудом сдерживал раздражение от постоянных беспричинных звонков супруги. Подозрения Яны, казалось бы, не подтверждались, но это не заставляло ее пересмотреть свое отношение к ситуации. Она все равно ревновала, и с каждым днем все сильнее. Ежедневно находясь рядом с мужем на съемочной площадке и видя, как он то обсуждает что-то с Вороновой, то разговаривает с актерами, то сосредоточенно что-то пишет, склонившись к лежащему на коленях блокноту и не обращая на жену ни малейшего внимания, Яна ощущала себя лишней и ненужной, терзалась тем, что

находится здесь напрасно, и страдала от того, что не может не приезжать на съемки вместе с Русланом. Пока она рядом, он не посмеет слишком сблизиться с Ириной Савенич. Правда, Ирина снимается далеко не каждый день, но Яне хватало ума понимать, что нельзя появляться на площадке только тогда, когда там присутствует Савенич. Это сразу все заметят и сделают выводы. Над ней будут смеяться, за ее спиной начнут шушукаться и отпускать сальные шуточки в ее адрес.

Она пыталась отвлечься от черных мыслей и даже попробовала, надо признать, не без успеха, пофлиртовать с кем-нибудь из съемочной группы. Перебрав несколько кандидатур, Яна остановила свое внимание на одном из водителей. Водитель — идеальная кандидатура для ее целей, он не занят непосредственно съемками и, пока все работают на площадке, может посидеть в сторонке и поболтать с Яной, жуя гамбургер и потягивая пепси-колу из горлышка бутылки. А если его посылают куда-нибудь с поручением, то можно поехать вместе с ним, все-таки какое-никакое — а развлечение. Она увидит новые улицы, новые магазины, а если все совсем хорошо сложится, то сумеет перекусить в новом для себя ресторанчике, куда они вместе заскочат. Рестораны Яна Нильская обожала, с самого детства для нее посещение любого

предприятия общепита, отличного от забега-ловки или учрежденческой столовой, было синонимом настоящей шикарной жизни, которую она видела только в кино. Руслан, конечно же, чувствовал противные уколы ревности, наблюдая крепнущую на глазах дружбу его жены с водителем съемочной группы, но при этом понимал, что так лучше для всех: и Янка не скучает, и ему самому спокойнее.

Водитель по имени Тимур был симпатичным парнем, веселым и обаятельным, умел смешно рассказывать анекдоты и говорил с легким, почти незаметным грузинским акцентом. Два дня назад, узнав, что предстоит почти две недели снимать в парке «Сокольники», он радостно сообщил Яне и Руслану, что это его родной район, и пообещал, что уж там-то они не заскучают.

— Творцы пусть творят, — сказал он, лукаво подмигнув, — Руслан будет создавать шедевр, а мы с тобой, Яна, такого шашлычка покушаем — пальчики оближешь. Ты кошек любишь?

— А что, мы будем кушать шашлык из кошки? — не на шутку перепугалась Яна.

— Глупенькая! — расхохотался Тимур. — Шашлык мы будем кушать из осетрины, тут есть одно местечко, где его превосходно готовят, «Фиалка» называется. А еще в Сокольниках по субботам и воскресеньям проходит

выставка кошек. Там такие котята продаются — умереть можно! Посмотришь на них с полчаса и душой отходишь, особенно если настроение хреновое. Они такие маленькие, трогательные, беззащитные... Прямо взял бы всех и купил одним махом.

— Чего ж не покупаешь? — хмуро спросил Руслан. — Денег жалко?

— Были бы деньги, я бы их не жалел.

— Да ладно прибедняться, — не поверила Яна. — Можно подумать, у тебя лишних ста рублей не найдется.

— Сто рублей? — прищурился Тимур. — А сто долларов не хочешь? А то и сто пятьдесят.

— Сколько?! — ахнула Яна. — Это что же за кошки такие? Бриллиантовые, что ли?

Сто пятьдесят долларов — это же примерно четыре с половиной тысячи рублей! Яне такая сумма за какого-то паршивого котенка казалась просто невыносимой.

— Вот завтра начнем снимать в Сокольниках, я тебе все покажу, — загадочно произнес Тимур, продолжая соблазнять жену сценариста прелестями предстоящих развлечений. — Завтра как раз суббота, так что и шашлычка покушаем, и кошечек посмотрим. Ты в пинг-понг играешь?

— Играю.

— Я ракетки принесу, а ты оденься в

спортивное, там столы есть, поиграем с тобой, если будет желание.

На следующий день, в субботу, девятого июня, Яна проснулась ни свет ни заря в самом радужном настроении, и Руслан понимал почему. Тимур обещал, что скучать ей не придется. К тому же сегодня Савенич не снимается, так что ревнивой супруге можно расслабиться.

— Ты чего? — удивленно спросил Руслан, увидев, что она достает из большой дорожной сумки кроссовки.

— Пока вы будете снимать, мы с Тимуром в пинг-понг поиграем, — беззаботно ответила Яна.

Ах да, пинг-понг. Водитель вчера что-то говорил об этом, но Руслан уже успел забыть.

— Опять с Тимуром? — нахмурился Руслан, и Яна с трудом сдержала торжествующую улыбку. Ничего, пусть поволнуется, не только ей одной ревностью себя изводить.

— А что такого? — Она изобразила искреннее недоумение. — Чем он тебе не нравится? По-моему, очень хороший парень.

— Не понимаю, что у вас может быть общего.

— А что у тебя общего с этой Савенич? — отпарировала Яна. — Ты журналист, кстати бывший, она — актриса. Ты из Кемерово, она коренная москвичка. Но вы же находите, о

чем поболтать, вас друг от друга тягачом не оттащишь.

— Я тебе тысячу раз объяснял: мы с Ирой знакомы уже десять лет. Это совсем не то, что ты думаешь... — Руслан снова начал заводиться, но сегодня Яну это не особо трогало. Такой чудесный день впереди!

Действие в романе и, соответственно, в фильме происходило частично в провинциальном маленьком городке, частично в столице. Городок этот снимали в Подмосковье, но для съемок некоторых сцен «на природе» вовсе не обязательно было выезжать за пределы Москвы, для них нашлись вполне подходящие места в московских парках. Все «лесные» эпизоды, например, планировали снимать в лесопарке Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в Сокольниках же собирались имитировать лесные полянки, опушки и берег озера, а также провинциальную городскую танцплощадку и придорожные кафе на открытом воздухе.

Съемочная группа появилась в парке, как обычно, с опозданием минут на сорок. Руслан и Яна приехали точно в назначенное время, в два часа дня, и к тому моменту, когда прибыл Тимур, Яна успела осмотреться на местности и убедиться, что скучно здесь и в самом деле не будет. Она даже нашла тот самый ресторан «Фиалка», о котором говорил

водитель, и заглянула внутрь. Ничего особенного, никакого шика, да и народу нет, в большом зале — ни одного клиента, все столы пустые, видно, популярностью это заведение не пользуется. О своих сомнениях Яна тут же сообщила Тимуру.

— Что-то в твой хваленый ресторан народ не ломится, — скептически заявила она.

— Понимала бы что-нибудь, — усмехнулся он. — Народ к вечеру появится. В «Фиалке» такие личности бывают, перед которыми вся Москва на цыпочках ходит. Посмотришь, на каких машинах туда гости приезжают.

— На дорогих?

— Не то слово. Ну что, пойдем шарик покидаем?

Время летело незаметно. Они поиграли в пинг-понг, посидели в «Фиалке», где им подали действительно потрясающий шашлык из осетрины, потом Тимур повел Яну смотреть кошек. Вдоволь насмотревшись на пушистых, гладкошерстных и даже совсем лысых котят и их родителей, Яна поняла, что имел в виду ее новый знакомый, когда говорил, что здесь, на выставке, у него словно тяжесть с души спадает. Не зря, видно, считается, будто кошки принимают на себя отрицательную энергетику. На душе у Яны стало тепло и уютно, и даже мерзкие мысли об отношениях ее мужа с актрисой Ириной Савенич стали

смутными и расплывчатыми и уже не отдавались во всем теле острыми болезненными уколами.

— А теперь что будем делать? — спросила она Тимура, с тихой радостью думая о том, что съемки сегодня по плану будут идти часов до двенадцати, а то и до часу ночи, и столько всего интересного и приятного может уместиться в оставшиеся часы... А когда стемнеет, ее прогулка с Тимуром станет совсем уж романтической. Интересно, как он себя поведет? Впрочем, как бы ни сложилось, она, Яна, возражать не станет. Кажется, он сказал, что Сокольники — его родной район. Что это означает? Что он здесь вырос? Или что живет где-то здесь неподалеку? А коль так, то, возможно, ему надоест болтаться по парку, и он рискнет пригласить Яну к себе на чашку кофе. Она, разумеется, не откажется. И если Тимур захочет воспользоваться ситуацией, это будет даже к лучшему. Может быть, хоть это отвлечет ее от постоянно грызущей ревности.

* * *

Отремонтированная и обставленная новой мебелью квартира казалась Насте Каменской игрушечной и ненастоящей, и она никак не могла привыкнуть к мысли о том, что здесь надо жить обычной жизнью, то есть

стирать, убирать, готовить еду. Вообще привыкать за последний год ей пришлось ко многому, и, оглядываясь назад, Настя каждый раз с ужасом чувствовала, как растет и углубляется пропасть между прежней Настей и нынешней.

Началось все с мужа. Как-то неожиданно профессору Чистякову стали предлагать очень выгодные контракты на чтение курса лекций в Европе, Соединенных Штатах и Канаде, а также в Японии. Командировки следовали одна за другой с небольшими перерывами, в семье появились деньги, которые поначалу казались просто огромными. На эти деньги закончили наконец давно начатый и остановленный на полпути ремонт, купили мебель и технику, обзавелись мобильными телефонами. От таких перемен голова у Насти шла кругом, а тут еще и на работе беда: любимый начальник полковник Гордеев вышел на пенсию, ему исполнилось шестьдесят, и продлевать срок службы было уже нельзя. Некоторое время обязанности начальника отдела исполнял его заместитель Коротков, нового шефа все никак не присылали, и Настя почти полностью укрепилась в своей надежде, что в конце концов именно Юрку Короткова и назначат на эту должность. С Гордеевым она проработала полтора десятка лет и, как ни напрягала фантазию, не могла себе предста-

вить работу на этом месте под руководством кого-то другого. Хорошо бы Юрку назначили начальником, он, конечно, не такой мудрый, как Колобок-Гордеев, но все же Коротков — свой, привычный, с ним Настя не один пуд соли съела, десятки запутанных дел вместе размотали, десятки убийц вычислили и отловили. Юрка — ее друг, давний, добрый и надежный, под его начальством она с удовольствием будет работать.

Не успела Настя привыкнуть к этой мысли и смириться с потерей Колобка, как пришло известие: вот-вот личному составу второго отдела МУРа представят нового руководителя, и это будет отнюдь не подполковник Коротков.

— Тебе что-нибудь говорит фамилия Афанасьев? — спросил ее Коротков, жадно глотая горячий кофе, который по издавна сложившейся традиции обязательно пил по утрам в кабинете Каменской.

— Афанасьев? Распространенная фамилия, — осторожно ответила Настя, мысленно перебирая всех известных ей людей, носящих такую фамилию. — Ты кого-то конкретного имеешь в виду?

— Сорок пять лет, закончил юрфак МГУ одновременно с тобой, — уточнил Юра.

— Афоня?! Не может быть!